

Татьяна БОГАТОВА

**ЭХО
ПАДАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЫ**

ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Детективные истории (Четыре Четверти)

Татьяна Богатова

Эхо падающей звезды

«Четыре четверти»

2026

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Богатова Т.

Эхо падающей звезды / Т. Богатова — «Четыре четверти»,
2026 — (Детективные истории (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-798-8

Валера и Алёна. Два одиноких сердца, которые были рядом, но не смели сблизиться. Одна случайная встреча — и их мир превращается в поле боя. Пока они открывают друг другу души и учатся доверять, за их спинами уже составлен смертельный план. Для алчных родственников Алёна — всего лишь помеха на пути к желанной квартире, которую нужно безжалостно убрать. Чтобы спасти зарождающуюся любовь и будущее их нерождённого ребёнка, Валере придётся впервые в жизни по-настоящему сражаться. А Алёне — найти в себе силы для последней и самой отчаянной схватки. Романтический детектив, где искренние чувства становятся единственным шансом на спасение.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-798-8

© Богатова Т., 2026
© Четыре четверти, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Богатова

Эхо падающей звезды

© Богатова Т., 2026

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2026

Глава 1

2010 год

Валера Лавров дремал на заднем сиденье тёплого автобуса, упиравшись коленями слегка раскинутых длинных ног в светлых джинсах в спинку кресла перед ним. Руки – в карманах коричневой короткой куртки из тонкой кожи; глаза прикрыты. Дремать в тёплом автобусном нутре было приятно. Валера не любил ездить на работу в автомобиле. Следи за дорогой, нервничай в пробках... Больно надо, когда можно спокойно выспаться за сорок минут, которые понадобятся, чтобы добраться от дома до металлургического комбината, где Валера работал мастером железнодорожного пути. Тем более сегодня, в один из редких случаев, когда он отправлялся на работу из собственной квартиры, а не от одной из своих многочисленных подружек.

Сквозь сон до ушей Валеры слабо доносился обычный гул шестичасового утра. Подавляющее большинство пассажиров в это время составляли такие же, как и Валера, «почётные заводчане», как они сами себя именовали. Тридцатилетний железнодорожный мастер оказался нетипичным их представителем. Большинство составляли мужчины за пятьдесят. Первую половину дороги они, стряхивая с себя сон, оглашали хриплым кашлем курильщиков пространство салона. Вторая половина пути обычно ознаменовывалась традиционными упрёками в адрес водителя, что тот еле тащится, и возмущением, что заводчане опаздывают на работу, до начала которой оставалось, по меньшей мере, часа полтора. Трудившемуся по графику пятидневной недели Валере приходилось выслушивать всё это ежедневно. Однако он не раздражался и не пытался отгородиться наушниками аудиоплеера, предпочитая мужской галдёж музыке. Напротив, спозаранку именно музыка являлась для Валеры раздражающим фактором.

Так и не привыкший рано вставать, Лавров никогда не завтракал, принимал душ и брился практически на ощупь, с закрытыми глазами. Ночуя дома, свежую одежду и чистую обувь готовил с вечера. Валера предпочитал светлые кроссовки либо полуспортивные туфли. Все знакомые женщины не переставали изумляться, что его обувь выглядела так, словно он только что вышел в ней из обувного магазина, причём в любой сезон и в какую угодно погоду.

* * *

Вагончик на железнодорожном участке, где путейцы Валериной бригады обогревались и принимали пищу, ходил ходуном и сотрясался от криков. Едва Лавров открыл дверь, как его чуть было не сшиб с ног Алёшка Кирюшатов – полноватый, коротко стриженный, круглолицый, с яркими живыми глазами двадцатичетырёхлетний парень, едва достигающий плеча высокого Валеры.

– Николав! – завопил Алёшка. – Заступись!

Большинство в бригаде обращались к Лаврову по имени. И только двое молодых ребят – Алёшка и двадцатилетний Серёга – с лёгкой руки Виктора Еремеева называли Валеру претерпевшим изменения отчеством. А вот, собственно, руки Витюши-Ермака, как окрестили его в бригаде, считать лёгкими можно было с большой натяжкой. Это именно от кулаков Ермака, с перепугу казавшихся величиной с голову, уворачивался Алёшка.

– Витя, стоп! – поднял ладони вверх мастер, преграждая дорогу сорокалетнему мужчине, ростом, как и Валера, метр восемьдесят, телосложением напоминающим былинного богатыря, только немного огрузневшего и с наполовину облысевшей головой.

– Побью заразу! – зарычал Виктор, потрясая гигантскими кулаками, однако не решаясь оттолкнуть со своего пути Валеру, невозмутимо смотревшего на путейца внимательным взглядом зелёных широко распахнутых глаз.

Еремеев ещё минут пять метался по вагончику, бубня себе под нос ругательства в адрес молодого коллеги. Присмиривший Алёшка приткнулся в углу, хихикая втихомолку, но стараясь держаться неподалёку от Валеры.

– Опять Лёха подлянку Витюше кинул, – раздался хриплый фальцет Петра Маханько, приземистого румяного мужичка предпенсионного возраста, объяснившего происходящее: – В сотовом будильник поставил на четыре утра.

– Не я это, – подал голос Алёшка.

– А кто?! – отозвался от противоположной стены Еремеев, но приближаться не стал, наткнувшись на взгляд Лаврова.

– У Витюши звонок прозвенел, – продолжал Пётр, который добирался на работу вместе с Еремеевым из районного центра, расположенного от комбината за двадцать километров, – и он, недолго думая, морду вымыл, оделся и на остановку припёрся. Стоит-стоит, ни автобуса, ни людей вокруг. Потом только догадался на часы в мобиле посмотреть да домой вернулся досыпать.

– Нет, Николав, – снова взвился метавшийся, словно тигр по клетке, Еремеев, – ну ты смотри, каков прохвост! Ведь это же надо?! В сотовый влез, звонок переставил.

– Да не ставил я, – опять возразил Алёшка, опасливо выглядывая из-за плеча мастера. – Может, ты сам на что нажал и у тебя время перескочило?

– Нет, ну главное, – продолжал разоряться Виктор, – жена выглянула, спрашивает: «Ты куда в такую рань?». Я ещё рявкнул на неё, мол, не твоё дело. А оно вон чего оказалось!

Еремеев и дома с родными порой бывал крут на расправу. Как-то раз, вернувшись с работы и увидев на столе гору невымытой посуды, после нескольких безответных просьб в адрес жены и пятнадцатилетней дочери, смахнув своей ручищей со стола утварь, самолично собрал осколки в ведро и вынес на помойку. Потому что любит Виктор, чтобы вокруг него соблюдались чистота и порядок. С тех пор, во избежание покупки новых тарелок и чашек, женщины старались, чтобы грозный хозяин дома не заставлял грязной посуды ни на столе, ни в раковине. Однажды гнев обрушился на двенадцатилетнего сына, которого отец дважды попросил выключить в комнате свет, чтобы спокойно заснуть. Сын то ли не услышал, то ли посчитал, что отец и сам может погасить люстру, которая в следующее мгновение разлетелась вдребезги под ударом брошенного взбешённым отцом механического будильника. Новую люстру, конечно, со временем приобрели, но с тех пор Виктор пробуждался по будильнику на сотовом. А в целом Еремеев был добрейшей души человек.

– Так, Витя, – решительно прекратил скандал Валера. – Пошумели и хватит. Занимайте места, согласно купленным билетам. Вас ожидает пятнадцать минут информации по охране труда.

Несмотря ни на что, Еремеев моментально подчинился своему молодому начальнику. Хотя и не занял место на одном из стульев, как остальные пятеро членов бригады, но кружиться по вагончику перестал и замер в углу, возле двери, скрестив по-прежнему сжатые в кулаки руки на груди.

– Ну давай, Валерий Николаич, – подначил Маханько мастера, – вещай, рассказывай, как космические корабли бороздят просторы Большого театра.

– Тишина в зале, – глянул в сторону насмешника Валера. – Итак, новая инструкция безопасности движения по территории железнодорожной станции.

* * *

Спустя полчаса, когда время приблизилось к началу рабочего дня – восьми часам, – члены бригады разошлись по определённым мастером рабочим участкам обширной территории станции. Безотказному в работе и самому сильному физически Еремееву выпало задание заменить рельс на одной из веток промышленного железнодорожного пути. В помощь к нему Валера направил бригадира – пятидесятилетнего Олега Складчикова – невысокого с округлым брюшком добродушного блондина со светлыми бровями и ресницами, а также виновника утреннего переполоха – Алёшку.

Слегка приотстав от Виктора с Олегом, Алёшка пыхтел под тяжестью инструментов рядом с Валерой, который тоже направлялся на этот участок.

– Николай, – просительно канючил он, – зачем ты меня к ним назначил? Послал бы дядь Петю или Сэржа. Ермак же меня побьёт.

– Боишься? – добродушно улыбнулся Лавров. – Что поделывать, Алёшка, за поступки надо отвечать...

– Эй, Лёха, – перебил мастера зов оглянувшегося Еремеева, – иди сюда, братан!

– Шагай, – подмигнул парнишке Валера, – видишь, он уже отошёл. Сменил гнев на милость.

Кирюшатов припустил вслед за старшими путейцами.

– Не парься, братан, – обнял его за плечо Виктор, предварительно забрав инструменты у Алёшки вдобавок к тем, что нёс, – бить не буду. Хоть ты и прохвост! А вот скажи мне лучше, как настроить на сотовом...

Валера шёл следом и улыбался. Это была обычная история. Алёшка, а иногда и сын Олега Серёжа, ушедший неделю назад в отпуск, подшучивали над гигантом Виктором. Но тот больше шумел, чем обижался, и каждый раз, спустя полчаса пребывая в прекрасном настроении, спрашивал своих молодых коллег о всяких-разных штуках в их новомодных гаджетах или просил закачать себе на сотовый музыку, которая ему нравилась.

Глава 2

Через полтора часа, когда работа на сложном участке подходила к завершению, у Валеры в кармане спецовки заработала рация – большой чёрный аппарат с антенной.

– Валерий Николаич, – пронзительно заверещал в трубке голос Ольги – дежурной по станции, – когда откроете путь?! Мне состав с рудой некуда принимать!

– Оля, солнце моё, – терпеливо ответил Лавров, наравне с путейцами участвовавший в замене рельса, – если ты помнишь, то путь я закрывал на два часа. Так что имей терпение. Через полчаса явлюсь пред твои светлые очи и отмечу в журнале окончание работы.

– Ой, ну вы можете и по рации отзвониться, – ответила Ольга, которой хотелось поскорее определить прибывшие на станцию вагоны с рудой на отремонтированный путь.

– Что ты скажешь, не желает меня видеть, – насмешливо произнёс Валера и продолжил уже на полном серьёзе: – Оля, нарвёшься ты когда-нибудь на неприятность с твоей доверчивостью.

Все работы на железнодорожных путях необходимо было фиксировать в журнале на станции, в кабинете дежурного под личную подпись руководителя работ, как правило, мастера или бригадира. Ровесница Лаврова Ольга, несмотря на то что занимала должность дежурного восемь лет, необходимый опыт так и не приобрела. Отличаясь суетливостью и некоторой небрежностью, она часто ставила под угрозу безопасность работы. Валера был единственным из троих мастеров на станции, кто постоянно предостерегал коллегу и пытался ей помочь. Остальные мастера и, тем более, путейцы только яростно ругались на Ольгу, большей частью нецензурно. Она обижалась, плакала, однако не прикладывала никаких усилий со своей стороны, чтобы работать внимательнее.

Когда спустя полчаса Валера зафиксировал в журнале на станции завершение ремонтных работ, Ольга уже во всё горло разорялась по громкой связи, пытаясь втиснуть на этот участок поезд, превышающий своей длиной протяжённость пути. Не устававший поражаться тупости дежурной, Валера деликатно заметил:

– Оля, солнце, если ты поставишь состав на пятнадцатый, то тепловоз перекроет стрелку.

Подняв прозрачные серые глаза, тридцатилетняя женщина – худощавая, в джинсах и серой водолазке, с тускло-рыжими, схваченными резинкой в хвост волосами, неосознанно посмотрела на Валеру, словно на пустое место.

– А следовательно, – терпеливо продолжал пояснять Лавров, – преградишь движение на этом участке станции. Образуется транспортный коллапс.

– Ой, – вскочила Ольга, услышав, наконец, мастера, – а куда его?!

– Принимай на девятый.

– Там «порожняк» на выезд ожидает! – вскрикнула дежурная, имея в виду состав с пустыми вагонами.

– Посмотри сама, – кивнул Валера на огромное световое табло на стене, – внешний путь уже свободен. Светофор на выезд синий. Выпускай свой «порожняк» и принимай руду на девятый.

Прошло несколько секунд, прежде чем Ольга сообразила, как следует поступить.

– Ну всё, я отписался, – помахал ей раскрытой ладонью Лавров.

– Валера, – позвала Ольга, усевшись на своё место за пультом, – не уходи, пожалуйста. Давай я тебя кофейком угошу.

– Ольгунь, – уселся напротив дежурной Валера, – спасибо, конечно, но ты же знаешь, что кофе я не люблю. К тому же в столовую собирался. Дело к обеду.

– Ну посиди, пожалуйста, хоть немного, – протянула дежурная. – Мне с тобой спокойнее. А то эти все... орут... как собаки...

– Оль, ты будь хоть немного повнимательнее и никогда не спеши. Лучше сделать чуть медленнее, чем наворочать что-нибудь.

– Да знаю я, – дёрнула плечом Ольга. – Как же достало всё! С трудом смены выдерживаю!

– Может, стоит сменить работу? – мягко заметил Лавров. – А то так и до нервного срыва недалеко.

– А куда мне податься-то, с нашей специфической железнодорожной специальностью?! Где я ещё столько в городе заработаю? Вовку-то как одной растить?

– Тогда будь поспокойнее. Пусть лучше обвиняют в медлительности, чем премии лишают.

– Спасибо тебе, Валера, – убрала худой пятернёй рыжую чёлку со лба Ольга. – Попробуюсь. А вот скажи мне, пожалуйста, ты разве свою работу любишь? Не встаёшь каждое утро с мыслью, чтоб она провалилась?

– Вообще-то, нет, – пожал плечами Валера. – Мне нравится производство. И потом знаю здесь всё от и до.

– Вот, – воскликнула Ольга, – в этом всё дело! И чего я, дура, в проектный институт не пошла?! Позарилась на заработки на комбинате! А теперь подружки мои и в проектном столько же получают.

– Почему бы тебе сейчас туда не пойти?

– Да поздно уже! Три копейки стану там зарабатывать, пока руку набью на проектах. А ты, Валер, сразу сюда пришёл? В проектном не пробовал?

– Нет, Оля, проектная работа не для меня. А всё остальное в городе так или иначе связано с торговлей. Уж это точно не моё. Опять же, на комбинате зарплата нормальная.

– Ну да, ты же один, без семьи. Тебе, конечно, хватает.

– Оль, да мне, вообще-то, и на семью хватило бы. Разве нет?

– Смотря какие запросы были бы у твоей жены. А чего ты, Валер, не женишься?

– Оля, стоп, – поднял раскрытую ладонь Валера. – Ты переходишь границу наших с тобой добросердечных отношений и становишься на зыбкий путь занудства. А я этого не терплю.

– Нет, а чего ты всегда так реагируешь? – вскочила Ольга, краем глаза посматривая на табло. – Чего я особенного спросила? Такой мужчина, как ты, просто обязан создать семью, детей родить.

– Ольгунь, я не падок на лесть и не подвержен влиянию стереотипов.

– Семья, дети – это, по-твоему, стереотипы?

– Стереотип – это слово «обязан».

– Ах, вот как?!

– Именно, – улыбнулся Валера её горячности, поднимаясь со стула. – Оль, я пойду. Есть хочется. Если что, ты звони, ладно?

– Иди уже, – угрюмо пробурчала Ольга, отворачиваясь к окну.

В этот миг производственный процесс отвлёк дежурную от нарочитого проявления обиды и позволил Лаврову беспрепятственно покинуть помещение станции.

* * *

– Николав, – раздался в трубке сотового весёлый голос Алёшки, – время первый час. Мы обедать пошли.

– Конечно, идите, – ответил Валера. – Поосторожнее там. Я путь открыл для движения.

– Хорошо, Николав, поняли.

В отличие от путейцев, перекусывающих в вагончике принесённой из дома едой, Валера предпочитал обедать в столовой. По дороге туда он встретился со Славой Давыдовым – мастером соседней станции и проформом железнодорожного цеха.

– Привет, Слава, – протянул ему руку Валера.

– Привет, – расплылся в улыбке Вячеслав – невысокий широкоплечий подтянутый мужчина тридцати пяти лет, по причине частичного облысения наголо бривший свою светловолосую голову. – Как дела? Не женился?

– И ты туда же, – усмехнулся Валера.

– А кто ещё? От Олечки, что ли, идёшь? – догадался Слава.

– Со станции, – уточнил Лавров.

– Ну конечно, – не обратил внимания на уточнение Слава, – одинокая женщина с ребёнком. Она просто спит и видит, как бы женить на себе красавчика-мастера. Да что там говорить, ты предел мечтаний всех девушек в округе радиусом в десять километров.

– Кто бы говорил, – добродушно усмехнулся Валера. – Сам-то всё ещё с Лидой?

– Насмехаешься, – рассмеялся Слава. – Ты не любил, тебе не понять. Да вот, представь себе, женился на каждой, которую полюбил. Но заметь, ни одну не обманывал и никого из четверых детей не бросил.

– Вообще-то, я тоже детей не бросал.

– Так у тебя ведь и нету, кажется?

– Успеется.

– А если серьёзно, Валер, почему не женишься?

– Славик, да тебе-то зачем? – весело удивился Лавров. – Сам три раза женился и меня хочешь затянуть в свой круг любителей брака?

– Да ну тебя, – фыркнул Славик. – Живи как знаешь.

А жизнь у Валеры Лаврова, в плане отношений с женщинами, была, пожалуй, намного более насыщенной, чем у трижды женившегося Славика. Во всяком случае, разнообразнее. Вот и сейчас, после обеда, Валера почувствовал «гон» – призыв своего тела, который одолевал его независимо от того, какое было время года. И в середине тёплой весны, как сейчас, и знойным летом, и прозрачной расцвеченной осенью, и снежно-студёной зимой охватившее Валеру желание непременно ставилось им во главу всего. Вынув сотовый телефон, Лавров без промедления начал организацию своего вечернего, чаще всего переходящего в ночное время-препровождения. Первой на память пришла Жанна – врач-стоматолог, яркая, рыжеволосая двадцативосьмилетняя женщина.

«Валер-а-а-а! Валер-а-а-а! Я буду нежной и верной!» – зазвучала вместо гудка популярная композиция певицы Афродиты.

Набирая номер Жанны, Лавров каждый раз не переставал удивляться: неужели этот сигнал настроен на всех звонивших или предназначен ему одному. Он понятия не имел, можно ли сделать это технически, и всё время забывал уточнить у Жанны или у ребят на работе. Женщина ответила довольно быстро.

– Привет, моя любовь!

– Привет, Жаннень! Я сегодня нагряну к тебе?

– Конечно! Жду, любимый! Что за церемонии?

– Мало ли?! Вдруг ты сегодня занята или вообще замуж вышла, с тех пор как мы с тобой виделись в последний раз.

– Валерик, счастье моё ненаглядное, ты же знаешь, тебе я только отдана, с тобой нежна, тебе верна.

– Ух ты! Даже в рифму говоришь!

– Всё ты, моя радость, вдохновляешь!

– Я был бы не против вдохновить тебя на что-нибудь менее возвышенное, чем стихи.

– Приветствую всякого рода вдохновение.

– Значит, договорились?

– Само собой!

- В семь я у тебя. Или подъехать позже. Ты на работе?
- Нет, любимый, я уже отработала в первой половине дня. Если только по магазинам пробегусь.
- Даже не заморачивайся! Вкусности за мной.
- Договорились, Валерик! Жду тебя!

* * *

Путейцы бригады Лаврова все как один понимали, что у мастера намечается горячая встреча. Валера начал спешить сразу, как только договорился с Жанной. Никогда не гнушаясь физически помогать своим подчинённым, в случае перспективного свидания Валера утраивал усилия, лишь бы побыстрее завершить запланированную на вторую половину дня работу и ни на минуту не задержаться на комбинате. Качество выполняемого задания при этом не страдало. Производя привычные действия автоматически, при этом в мыслях Лавров уже прокручивал сценарий встречи. Валере с трудом хватало усилий останавливаться в тот момент, когда дело доходило до постели. Его светло-зелёные глаза – погибель женщин, почти не мигая, смотрели в одну точку; бурлившая в шее кровь, устремляясь в голову, стучала в висках. Когда-то давно, в самом начале работы Валеры в этой бригаде, путейцы пробовали подшутить над любвеобильным мастером. Однако Лавров на подколки не реагировал, и их попытки очень быстро сошли на нет.

В душ после работы Валерка устремился самым первым. И потом ослепительно чистый и благоухающий приятным парфюмом с нетерпением поджидал Алёшку, чтобы вместе отправиться по домам. Алёшка Кирюшатов, который добирался на работу на машине, «Ладе» двенадцатой модели, великодушно подаренной живущими в деревне родителями, три раза в неделю забирал с собой Валеру, когда тот не уезжал пораньше в железнодорожное управление комбината для участия в оперативном совещании цеха. Алёшка с завистью поглядывал на Лаврова, нетерпеливо постукивающего пальцами по дверце автомобиля изнутри.

- Николав, – попросил он Валеру, – возьми меня как-нибудь с собой, к девчонкам.
- Чего-о-о? – насмешливо протянул Лавров, приподняв тёмную бровь.
- На свидание, говорю, возьми, – упрямо повторил Алёшка. – Тебе что, жалко? Вон у тебя сколько девчонок. Стопудово у них подружки есть классные. Вот ты меня и познакомь.
- Ты у меня получишь свидание, свисток! – ухмыльнулся Валера. – Уши надеру, вот и будет тебе свидание!
- А я тебя подвозить не буду, – пробубнил Кирюшатов себе под нос.
- Куда ты денешься?! – расхохотался Лавров и примирительно кивнул следом. – Ты мне это брось, Алёшка. Не становись на скользкий путь разврата.
- Тебе, выходит, можно, а мне нет?
- А тебе нет! Ты зачем женился на своей Дашке? По девчонкам бегать? Чего ты у них не видел, что дома можешь получить? Ну ответь!
- Да видел-видел, – продолжал по-стариковски ворчать Алёшка. – Только жди, пока Васька уснёт, а сами раньше него засыпаем от усталости.
- Лёха, ну ты и недогадливый. Парню твоему сколько? Года полтора? Конечно, Дашка твоя устаёт. Вот придёшь, погуляй с ним на улице, он и уснёт быстрее. А Дашка тебе тем временем ужин соорудит.
- Погуляй. Устаю я. Иной раз придёшь и рук-ног не чуешь.
- А собирался к девчонкам, – опять рассмеялся Валера, обнажив в обаятельной улыбке белоснежные ровные зубы. – Нет уж, Алёшка, давай-ка дома с этим делом устраивайся. Кстати, что твоя Дашка любит? Может, сладкое? Вот и купи ей, она рада будет.

– Она печенье обожает. Давай, Николав, заедем в супермаркет по дороге, а то у нас в магазине рядом с домом его не бывает.

– Конечно, давай заедем. Мне тоже надо гостинчик прикупить.

Спустя полчаса, когда Алёшка с Валерой вышли из супермаркета, нагруженные пакетами со снедью, Лавров хлопнул своего молодого коллегу по плечу.

– Учись, Лёха, праздник женщине делать! И не понадобятся тебе никакие девчонки.

– Николав, а ты-то сам почему не женишься? – задал Алёшка вопрос, давно не дававший ему покоя.

– А ты зачем женился? – насмешливо глянул на него Валера.

– По залёту, – поскрёб пальцами короткостриженный тёмно-русый затылок Алёшка, честно ответив на вопрос.

– Это, Лёха, не залёт, это судьба. А она не ошибается. Она знает, кого с кем сводить. Вот подарила вам с Дашей Ваську и сделала счастливыми. Лет через несколько поймёшь, что никого лучше твоей Дашки на свете нету.

– А ты-то сам почему? – не унимался Кирюшатов. – У тебя что, это... как его... прева-лирует полигамия в характере?

– Лёха, ну ты даёшь!!! – покотился со смеху Лавров. – Ты это в интернете вычитал?

– Неважно, – невольно улыбнулся в ответ на заразительный смех мастера Алёшка. – Ты не говоришь, и я не скажу, где вычитал. Может, сам придумал. А ты, если в поиске находишься, то мог бы так и сказать, а не юлить перед другом.

– А я, Лёшка, – посерьёзнул Валера, – не в поиске. Просто пока не встречу такую, которая будет для меня, как для тебя твоя Дашка, жениться не собираюсь.

– А как ты поймёшь, что нашёл?

– Знаешь, торкнуть должно, как бы... засверкать всё вокруг...

– А меня не торкнуло, когда я с Дашкой...

– Торкнуло, Алёшка, торкнуло, – вновь рассмеялся Лавров, – только ты этого не понял сразу по причине твоей ослепительной молодости. Так что слушайся старшего товарища и мысли о девчонках выбрось из головы. Понял?

– Понял, – насупился Алёшка, но кивнул.

– Вот-вот, – снова похлопал его по плечу Валера, – уши береги!

– Зараза ты, Николав, – широко улыбнулся Алёшка.

– Поехали уже!

Глава 3

Едва Жанна, распахнув дверь, впустила Валеру, как он, побросав пакеты прямо у порога, накинулся на неё с поцелуями. Запустив пальцы в её густые каштановые подстриженные под каре волосы, Валерка прикоснулся губами к лицу задохнувшейся от ответной страсти женщины.

– Валерка, – выдохнула Жанна, – ты голодный, наверное?

– Голодный, конечно, – сорвав с себя кожаную куртку, Лавров швырнул её на полку для обуви, – но немного иначе, чем ты думаешь... потом... всё потом...

Забравшись ладонями под тонкий кашемировый синий свитер Валерки, Жанна обняла его торс и крепко прижалась к нему. Потянув вверх, Лавров стащил свитер и, бросив его на куртку, обхватил женщину обеими руками, стиснув её до радостного вскрика.

– Валера-а, раздавишь!

Разомкнув объятия, Валерка водрузил повизгивающую женщину животом на плечо и устремился с ней в комнату.

Он проснулся, почувствовав, как Жанна ласково гладит его по волосам.

– Валера, – нежно проговорила женщина, – иди ужинать.

– Ужинать? – проворно перевернувшись на спину, Валерка сонно похлопал ресницами. – Я думал, уже утро.

– Нет, что ты! – рассмеялась Жанна. – Пойдём поедим. Я макароны сделала, с итальянским соусом. Как ты любишь.

– Ага, сейчас, – поднялся Лавров, стирая ладонью с лица остатки сна, – только душ быстро приму.

Стол у Жанны оказался изобильным. Помимо приготовленных ею блюд, Валера, который никогда не был жадным, принёс множество деликатесов, от мясной и рыбной нарезки до разнообразных фруктов и сладостей. Спиртного в его «продуктовом наборе» никогда не водилось. Валерка не привык смешивать удовольствие пребывания с женщиной и легкомысленно-тёплую обстановку мужской компании. Выпивал Лавров довольно редко и только вместе с мужиками. И никогда не понимал, зачем некоторым требуется рюмочка для поднятия настроения, развязывания языка или храбрости. И то, и другое, и третье, составляя неотъемлемую часть его добродушного характера, особенно ярко проявлялось именно в отношениях с женщинами.

Пока Валерка торопливо с аппетитом отдавал должное сытному ужину, Жанна крутилась у разделочного стола на другой стороне кухни, исподтишка поглядывая на Лаврова.

«Откуда он взялся на мою голову?! – яростным жгутом сжималось в груди её сердце. – До чего же хорош! Крепкий, плечи налитые и в то же время подтянутый, пластичный, как... кот. И опасный, как... тигр или ягуар. Глазищи эти его, зелёные! Ресницы тёмные, брови... Умереть можно! Волосы светло-русые, которые летом выгорают до золотистых. И кто-то ведь стрижёт его классно! Должно быть, какая-нибудь деваха».

Украдкой полюбовавшись мужчиной, Жанна вновь отвернулась, заваривая чай.

«Господи, почему он не может каждый день вот так сидеть у меня в кухне и ужинать, и смотреть на меня своими глазищами невозможными, и улыбаться, и...?!»

Жанна заставила мысли замолчать в испуге, что не выдержит и скажет всё, о чём только что подумала, вслух. По этой же причине она не садилась с Лавровым за стол, всегда отговариваясь, что не ест после шести, делая исключение только лишь для чая. Не могла она сидеть напротив и не сводить с Валеры глупого любящего взгляда. Когда они завершали ужин совместным чаепитием, Валерка рассказывал что-то весёлое про работу. Жанна молча улыбалась, но не слышала Лаврова. В голове звенело только одно:

«Почему?! Почему он не останется у меня насовсем?! Три года прошло с тех пор, как мы познакомились. Выныривает всякий раз неожиданно: «Я приеду?» Конечно, как ему отказать,

если от одного его голоса сердце начинает дрожать. Приезжает и... пропадает потом на месяц, на два, не вспоминает, не звонит. Неужели не любит? Тогда зачем приходит? Ну, понятно зачем... Но ведь есть же между нами что-то ещё, кроме постели!»

Вернувшись в комнату, улеглись и снова занялись любовью. А через полчаса Валерка крепко уснул. Он не осознавал точно, снилось ему или происходило наяву, как Жанна, нежно целуя его в обнажённое плечо, тихо и почему-то сквозь слёзы говорила:

– Я люблю тебя! Валера, я очень тебя люблю!

* * *

Утром, без особого труда поднявшись следом за Валеркой в половине шестого, Жанна впервые за всё время знакомства с ним решила на признание.

– Валера, – прикоснулась она ладонью к обнажённой спине Лаврова, пытающегося одним приоткрытым глазом уследить в зеркале ванной комнаты за чистотой и безопасностью бритья, – я не хочу с тобой расставаться.

С усилием приоткрыв другой глаз, Валерка слегка отстранил от покрытого пеной лица бритвенный станок, который Жанна приобрела специально для неожиданных визитов оставшегося на ночь возлюбленного, и глянул на неё в зеркало.

– Умг-му, – промычал он что-то невразумительное.

– Валера, – повысила срывающийся истерикой голос Жанна, – я тебя люблю! Услышь меня!

– Жаннунь, я слышу, – последовал хриплый ответ, – но ты же знаешь, утро – это не моё время.

– Да какая разница, – Жанна обречённо откинулась спиной к стене ванной, скрестив руки на груди, – если ты и вечером не скажешь мне ничего утешительного.

Лавров молча продолжал бритьё вслепую, осознавая справедливость вырвавшихся у Жанны слов про вечер. Обманывать льнувших к нему подруг, впустую разбрасываясь словами о любви, он считал ниже своего и, прежде всего, достоинства женщин. Но и сказать правду о своих чувствах Валерка не мог. Во-первых, потому что сам в них не разобрался. Да и попробуй разберись, если для совместного времяпрепровождения он выбирает первую пришедшую на ум подругу из двух десятков телефонных номеров. А во-вторых, он и не считает нужным в чём-либо разбираться и уж тем более объяснять. Даже одной из лучших – красивой притягательной Жанне, которая, безусловно, как и многие другие одинокие женщины, хочет замуж, детей – в общем, полноценную семью. Не знает Валерка, что можно ответить подруге, так неожиданно за три года их знакомства ошеломившей его признанием. Не торкнуло с Жанной и всё тут! Но как есть, ведь не объяснишь. Придётся Лаврову изворачиваться или расставаться. Жанна – подруга изумительная, но не настолько, чтобы выдерживать её истерики.

– Почему, Валера, скажи мне, почему мы не можем жить вместе?! Нам так хорошо с тобой! Давай хотя бы попробуем! Ну что ты молчишь?! Тебе что, мало одной меня?! Будешь уходить к кому-нибудь время от времени. Хотя о чём я говорю?! – опустившись на корточки, Жанна уткнулась лицом в ладони. – Я тогда с ума сойду. Выслежу эту, к которой ты помчишься, и...

Валерка присел перед ней, глянул своим невозможным зелёным взглядом, слегка затуманенным спросонок. Лицо в остатках пены, в одной руке станок, другой ладонью упёрся о кафельную стену рядом с головой Жанны.

– Давай я не буду больше приходить, а? Если ты так тяжело это воспринимаешь...

– Приходи, – жалобно прошелестела подруга, открыв лицо. – Я тогда совсем умру, если ты не будешь приходить...

– Совсем-совсем? – спросил Валера, положив ладонь на её затылок. – А сейчас наполовину?

– А сейчас наполовину, – вздохнула Жанна, смиряясь с судьбой.

– Жанка, я тебя обожаю, – неожиданно улыбнулся Лавров и, притянув к себе голову подруги, чмокнул её в кончик тонкого носа.

– Ты зараза, Лавров, – невольно улыбнулась в ответ Жанна, для которой «обожаю» прозвучало сомнительным суррогатом слова «люблю», но всё-таки оказалось лучше, чем ничего, – ты проникший в кровь вирус, от которого не найдено лекарство.

– Скорее, – проявил непостижимое для него ранним утром мыслительное усилие Валера, – я обезболивающее...

Почти совсем придя в себя, Жанна от души расхохоталась.

– Да, – вновь улыбнулся Лавров, – как оно там у вас в стоматологии называется...

– Это не от боли. Это заморозка. Когда не чувствуешь ничего. А я всё чувствую. Я ощущаю тебя постоянно, даже когда ты не рядом. И у меня на самом деле перестаёт болеть сердце, как только ты переступаешь порог.

– Да ладно, – беспечно отмахнулся немного стряхнувший с себя сонливость Валерка. – Значит, эффект обезболивания налицо.

– Ненадолго, – уклончиво ответила Жанна, – зато когда ты уходишь, боль возобновляется с утроенной силой.

Увиливая от дальнейшего разговора, Валерка выпрямился и, повернувшись к раковине, пустил воду.

«Непробиваемый, – подумала Жанна, вставая следом за ним. – Эх, если бы он не предохранялся, можно было бы ребёнка от него родить. Там, глядишь, он и остался бы насовсем».

Валерка предохранялся всегда. Однажды, перепуганный неожиданными непонятными симптомами, он помчался к врачу. Тот не подтвердил опасений, но дал молодому пациенту совет, которого Лавров придерживался по сегодняшний день.

– Половая жизнь у тебя, – предположил доктор, – судя по всему, ожидается насыщенная. Поэтому запомни, парень, что лучшим твоим другом, до тех пор, пока ты не остановишься на одной партнёрше, должен быть презерватив. В противном случае так и будешь всё время дёргаться. А тебе оно надо? То-то же! Буду рад не видеть тебя в числе своих пациентов.

Слова доктора накрепко засели у Лаврова в мозгу. И вскоре он начал относиться к предохранению как к обязательному и совершенно необременительному ритуалу. Ко всему прочему Валерке удавалось избегать беременности его многочисленных подруг.

В это время в кухне зазвонил телефон Валерки.

– Жаннуль, – попросил он, расфыркивая воду, – принеси, пожалуйста.

Она попыталась прижать мобильник к его уху, чтобы он не трогал его мокрыми руками, но Валера отмахнулся.

– Включи громкую.

– Николав, – послышался радостный возглас Алёшки, – я минут через десять выезжать буду. Тебя подхватить?

– Привет, Лёха! – откликнулся Валера. – На Тельмана остановишься? Я прямо к остановке подойду.

– Окей, договорились. Еду.

Район, где жил Лавров, был Кирюшатову совершенно не по пути. А вот дом, где жила Жанна, оказался как раз по дороге. Подвозивший вчера Валеру Алёшка предположил, что тот наверняка останется у подружки на ночь. И не ошибся. К тому же Алёшке не терпелось как можно скорее и без посторонних поделиться с Валерой своей ночной удачей с Дашей. И поблагодарить Лаврова за идею с гостинцами. Дашка, действительно, обрадовалась, как девчонка.

Вдобавок ко всему сынишка, мало поспавший днём, уснул довольно рано, предоставив родителям возможность заняться друг другом.

– Как он тебя называет? – удивилась Жанна, после того как Алёшка отключился.

– Николав, – улыбнулся Лавров. – Эдакое модифицированное отчество. У меня в бригаде двое парнишек молодых. И кадр один есть – Витя Еремеев. Так он им запретил обращаться ко мне просто по имени. Говорит, зовите Валерий Николаевич. А сам меня Николав называет. Ну и они переняли. Так и прижилось.

– Нико-лав, – задумчиво протянула Жанна. – Победа... любовь.

– Побеждающий любовь? – вопросительно усмехнулся Валерка.

– Скорее, – убеждённо произнесла Жанна, – побеждающий любовью.

Глава 4

В отличие от Жанны, Валерка сразу же, как только вышел от подруги, совершенно забыл о разговоре и страстном признании, не придавая ему никакого значения. Проводив возлюбленного, Жанна вздохнула и стала собираться на работу.

«Напрасно я не сказала Валере, – с опозданием вспомнила Жанна, – чтобы сегодня снова приходил. Ладно, позвоню попозже и уточню, сделав вид, будто не поняла утром, обещал он прийти или нет. Может, удастся со временем его приручить. Останется разок-другой дня на два, а там, глядишь, привыкнет. Хотя попробуй привяжи его. Ускользает и не терпит никакого принуждения над собой. Даже на мои слова о любви не обратил никакого внимания. И зачем я только к нему так прикипела?! Ни на кого переключиться не могу. Кто бы ни ухаживал, всех сравниваю с ним. Пётр – хирург из областной стоматологии – внимательный такой и жениться давным-давно предлагает. Вот не лежит к нему сердце и всё тут. Стоит только Валеркин голос услышать, как у меня дух захватывает. А Пётр за руку возьмёт – ни холодно ни жарко».

Закончив этот безрадостный круг размышлений, Жанна отправилась на работу в платную стоматологическую клинику, где когда-то и познакомилась с Лавровым. Впервые в жизни у Валеры появилась необходимость обратиться к стоматологу в двадцать семь лет. Врачом оказалась Жанна. И вот уже три года они с Валерой встречались и в нерабочее время, всегда исключительно по его инициативе. Пару раз Жанна пробовала пригласить его сама. Однако легкомысленный ухажёр на звонки не отвечал и после не перезванивал. Затаив обиду, Жанна решила ответить отказом на его очередное предложение встретиться. Но её намерения закончились крахом. Услышав в трубке голос Валеры, напрочь забыла свои установки.

Днём, улучив минутку, Жанна набрала номер Лаврова. На сей раз возлюбленный снизошёл до ответа. Но на вопрос Жанны о возвращении к ней вечером ответил отрицательно, как обычно, не объясняя причин, и распрощался с ней до новой встречи. Едва сдержавшись, чтобы не заорать в трубку, что новой встречи не будет, Жанна отозвалась коротким «пока» и отключилась.

* * *

Валерка действительно собирался после работы отчалить к себе домой, что он благополучно и сделал. Лаврову очень нравилось его холостяцкое жилище. Однокомнатная квартира в девятиэтажном одноподъездном доме с шестнадцатью квартирами на каждом этаже называлась молодожёнкой. Прихожая, совмещённый санузел, кухня и комната площадью восемнадцать квадратных метров. Валера с удовольствием снёс бы стены между комнатой, кухней и прихожей, превратив жилище в комнату-студию. Однако в этом панельном доме все стены были несущими и сносу не подлежали, поэтому Валеркина идея успехом не увенчалась. Но он не унывал и сделал несколько лет назад ремонт, придерживаясь принципов минимализма-модернизма. В комнате, оклеенной обоями цвета бледной морской волны, с левой стороны от входа разместился светло-серый диван. Шторы на окне с деревянными тройными стеклопакетами были из серой прозрачной ткани с едва заметным металлическим блеском. От ночных гардин Валера отказался. За окном находился застеклённый пластиковый балкон, который уменьшал количество проникающего в комнату света. К тому же квартира выходила окнами на северо-запад, солнце заглядывало туда только во второй половине дня и, немного порадовав своими лучами, скрывалось за соседним домом. А Валерка любил, чтобы в комнате было светло. Для этого он установил в натяжном глянцево-ослепительно белом потолке множество диодных светильников, озарявших жильё гораздо лучше люстры. Телевизор в белом

корпусе, укрепленный, словно картина, на стене напротив дивана; встроенный бежевый с темно-коричневыми вставками шкаф для одежды рядом с ведущей в комнату аркой из светлого, как и на окнах, дерева завершали обустройство комфортного жилища Лаврова.

Подходя к дому, Валера увидел на скамье перед подъездом наслаждающегося тёплым апрельским вечером Генку – своего соседа.

– Здорово, Валер! Присядь с соседом, – пригласил черноволосый средней упитанности мужчина со смуглым слегка помятым лицом, в клетчатой фланелевой расстегнутой рубашке, синей футболке под ней и видавших виды тренировочных штанах.

– Привет, Гена, – протянул руку Валера, опускаясь рядом на скамью.

– Как ты там? – поинтересовался Генка. – Не охотутил тебя ещё никто? Жениться не собираешься?

– Пока нет, – улыбнулся Валера.

– А я уж думал, что ты осел у кого-нибудь. Давненько не встречались.

– На работе иной раз приходится задерживаться.

– Надо оно тебе? – ухмыльнулся Генка.

– Задерживаться?

– Вообще, работа твоя.

– Ну, кто на что учился, – усмехнулся Валера.

– На олигархов нигде не учат, – ехидно заявил Генка, – а они деньги лопатой гребут.

– Почему же не учат? – засмеялся Лавров. – На землекопов, стало быть, учились, раз гребут лопатой.

– Ага, только залежи эти не всем доступны, чтобы покопаться в них как следует. Вот и приходится нам, простым людям, по максимуму у чиновников самим брать, поскольку им на нас наплевать.

– Это ты о своей инвалидности?

– О ней родимой.

– Кстати, Ген, а как ты её получил-то?

– Да уж пришлось постараться, – глянул тёмными глазами из-под широких чёрных бровей Генка. – Наташка-то моя два года социальным работником промучилась.

– Почему промучилась?

– А как же? Потаскай-ка старухам и старикам сумки с харчами да потерпи их капризы. Наташка знаешь, почему в эту соцзащиту подалась? Всё хотела найти бабку какую-нибудь одинокую, чтоб уход оформить и квартиру её на себя подписать.

– Так за бабкой ухаживать надо, – удивился Лавров.

– За хату можно было бы и поухаживать. Только вот не находилось такой старухи. Бывало, начнёт Наташка выяснять, что да как. Ухаживать надо, так нет никого, а как хату прибрать к рукам, так сразу наследнички находились. Потом Наташке всё это надоело до тошноты, старики эти. Ну, она ходы, выходы, правила узнала. И решили мы с ней по группе себе сделать.

– Оба? – присвистнул Валера.

– А чего там? Выгодное это дело, скажу я тебе. Мало того, что пенсия, так ещё льготы всякие и на коммуналку субсидии. Костика, опять же, как сына родителей-инвалидов везде кормят бесплатно. Раньше в детсаду, сейчас в школе.

– Чтобы инвалидность просто так сделать, наверняка, деньги немалые понадобились?

– Это смотря как делать, – снова захихикал Генка. – Деньги-то, конечно, давал. Да только большей частью сам постарался. Наташка ведь не зря работала. Насмотрелась на больных-то стариков, на их симптомы. Всё как следует запомнила. Мне порассказала. Ну я и действовал по этой «схеме». А деньги давал, чтобы результаты анализов и обследований подтасовать.

– Ну ты даёшь?!

– Вот так, Валера. Потерпел чуток. Зато теперь при деньгах и я, и Наташка. Теперь нам с ней всего-то и надо раз в год в больнице полежать да в поликлинику кой-когда сходить, чтоб группу продлили. На олигархов не горбачусь, как ты, на работу не таскаюсь.

– Что-то Алёнки твоей давно не видно? – неожиданно вспомнил Валера про Генкину сестру, решив увести разговор с темы приспособляемости соседа.

– Алёнки? – презрительно скривил полные губы Генка. – Ей-то как раз повезло.

– В чём это? Замуж удачно вышла?

– Какое там! Круче! Она за бабкой ухаживает, почти столетней.

– А в детсаду больше не работает? – удивился Лавров, вспоминая Алёнку – маленькую светловолосую девушку с лучистыми серыми глазами, которая при встрече с Валерой всегда расцветала такой ясной улыбкой, что ему казалось, будто солнце сияет над головой, даже если в это время небо оставалось затянуто тучами.

– Работает, как и раньше, в сто пятом, за нашим домом, рядом со школой. А почему ты решил, что не работает?

– Да так, – пожал плечами Валерка, – просто давно не видел. К вам тоже не заходит?

– Когда ей? – отвёл взгляд Генка. – Из детсада бежит за продуктами да скорей бабку замывать и кормить.

– А говоришь, повезло девчонке.

– Конечно, повезло, – внезапно разозлился Генка. – Эта бабка – подруга нашей тётки, что в деревне живёт. Тётка сама больная, да сын алкаш, а так сама бы взялась ухаживать за этой старухой. Вот она Алёнку ей и подогнала. Бабка на сеструху завещание написала. Хата двухкомнатная в центре, прикидываешь, Валер?

– Не знаю, – усомнился Валерка, – за бабкой ходить, думаю, непросто. Никакую квартиру не захочешь.

– Так вот и я говорю, – взвился Генка, – дура Алёнка! Когда она эту бабку взяла, ей уж девяносто было. Может, думала, что недолго придётся поухаживать. А она уже четыре года небо коптит. Алёнка – бестолочь! Не бросает эту бабку. Хотя давно уж ясно, что толку не будет. Либо старуха ещё лет двадцать проживёт, либо завещание другое напишет. И чего ради Алёнке стараться?! Всё равно ничего не выгорит.

– Не все же такие продвинутые, как вы с Наташкой, – усмехнулся Лавров.

– Неблагодарная Алёнка, – зло сказал Генка. – Мы её с Наташкой растили, кормили, а она теперь знаться с нами не хочет.

Валерка собрался было возразить, но препираться с соседом не хотелось. Поэтому он промолчал и, поднимаясь со скамьи, кивнул Генке.

– Ладно, Генок, пойду я. Отдохнуть хочется, а то завтра снова труба звёт.

– Вот я и говорю, нечего на олигархов горбатиться! Группу делай! Сейчас, конечно, подороже будет это дело. Но я ходы да выходы знаю, всё тебе подскажу. С твоей зарплатой знаешь, какую пенсию тебе назначат, не чета нашим с Наташкой минималкам. Будешь как сыр в масле кататься и льготами ещё пользоваться.

– Нет уж, Генок, реальные мужики не ищут лёгких путей.

– Ну-ну, – ухмыльнулся вслед Валерке Генка, убеждённый в том, что сосед отказывается от идеи с инвалидностью только потому, что наметил другой путь обеспечить себе будущее.

«Небось, – подумал Генка, – этот красавчик какую-нибудь тёлку богатую окучивает. И вскоре станет либо зятем олигарха, либо мужем олигархини».

Не укладывалось у Генки в голове, что кто-то может работать каждый день и если не получать от этого удовольствие, то, во всяком случае, нормально это воспринимать.

* * *

Поднявшись на четвёртый этаж, Валерка внезапно почувствовал усталость. Отпер дверь. Скинув кроссовки, аккуратно поставил их в сторону от двери. В комнате повесил в шкаф куртку и, не снимая остальной одежды, улёгся на диване. Тянуться за пультом от телевизора было лень. Звук и мелькание картинок казались сейчас для Лаврова досадной помехой. Из головы не шёл разговор с Генкой. На его мнимую инвалидность Валере было наплевать, а вот сообщение об Алёнке почему-то запало ему в душу.

Генка с сестрой оставались единственными соседями Валеры из жильцов четвёртого этажа, которые заселились в этот дом со дня его сдачи и жили по сегодняшний день. Дом оказался одним из последних строений второй половины восьмидесятых годов, квартиру в котором жильцы получили бесплатно. Родители Валеры и Гены с Алёной переехали в этот дом из примыкающего к промышленной зоне района на левом берегу разделяющей город реки по программе переселения из ветхого жилья. Отцы были строителями. Ближе к середине девяностых, когда строительные предприятия закрылись одно за другим, оба остались без работы. Отец Лаврова подрядился работать на стройке в Москве. Он погиб, сорвавшись с большой высоты.

Генкин отец принялся таксовать на своей «шестёрке». Однажды его нашли в обгоревшей машине далеко за городом. Мать Генки с Алёной, к тому времени тоже оставшаяся после сокращения без работы, чтобы прокормить семью, принялась «челночить». У неё неплохо получалось торговать нижним бельём. Вот только времени ни на себя, ни на детей уже не оставалось. Таившаяся в ней болезнь проявилась уже на четвёртой стадии. Она умерла, оставив круглыми сиротами двадцатилетнего Генку и десятилетнюю Алёнку. К счастью, у Генки хватило ума не отдавать сестрёнку в детский дом. В то время он ещё работал. И ему не стали чинить препятствий в оформлении опеки над Алёной. Генка уже тогда был сообразительным. Во-первых, за опекунство назначалось неплохое пособие. Во-вторых, новые реалии безжалостного времени ещё не одолели сознание, которое сформировалось в советские годы. Поэтому Генка надеялся когда-нибудь получить квартиру большей площади. Вот и оставил Алёну в семье.

Валеркина мать – школьный учитель немецкого – через несколько месяцев после того, как не стало мужа, уехала на заработки в Италию. Затем перебралась во Францию. Иного выхода для своей семьи она не видела. Сразу после гибели мужа женщина пребывала в отчаянии. Долгое время не платили зарплату. А когда возобновили, её размер не дотягивал до прожиточного минимума, необходимого даже для одного человека. Пенсия по потере кормильца на детей оказалась мизерной, поскольку мужу в последние годы платили «в конверте». Единственное, чем помог хозяин предприятия, по направлению которого отец Валеры попал на злополучное строительство, это выплатил внушительную сумму денег. Небольшую часть этих средств мать потратила на заграничный паспорт и билеты, а остальное оставила сыну, чтобы он мог, по меньшей мере, в течение полугода ежемесячно платить за квартиру и попросту не умереть с голоду. Четырнадцатилетнюю дочь Ирину – сестру Валеры – на это время забрала к себе тётка, сама едва сводившая концы с концами.

Шестнадцатилетний Валерка оказался предоставлен сам себе. Тётка изредка навещала его, приносила немного денег. Валера, к счастью избежав дурных компаний и разного рода неприятностей в виде алкоголя, наркотиков и повально охватившей молодое поколение города игромании, вполне успешно окончил среднюю школу и поступил в технический университет на факультет инженеров транспорта. Начиная с середины девяностых профессия инженера популярностью не пользовалась. Так что Лаврову, без особого напряжения сдавшему на «пять» профилирующий предмет – физику и присовокупившему к оценке средний балл аттестата,

который у него оказался довольно высоким по сравнению с другими абитуриентами, вскоре удалось стать первокурсником. Сразу после вступительных экзаменов Валере посчастливилось устроиться дворником в жилищное управление. В связи с тем, что здание ЖЭУ удачно располагалось рядом с домом, Валерка, взяв перед занятиями инвентарь, успевал спозаранку убрать вверенный ему участок. Несмотря на то что оставленные матерью деньги подходили к концу, теперь, получив постоянную работу, можно было не опасаться, что он останется без средств к существованию. А после зимней сессии, по результатам которой ему была назначена повышенная стипендия, Валера даже собирался забрать у тётки сестру.

Но тут неожиданно вернулась после годового отсутствия мать и увезла дочь с собой за границу. С раннего детства Ирина страдала тяжёлым заболеванием. Девочку мучили частые головные боли и эпизодические, но не менее изнурительные приступы головокружения, приводящие к обморокам. Мать с дочерью оставались во Франции по сегодняшний день. Женщина до сих пор возвращалась в Россию каждые три года, чтобы переоформить рабочую визу. Она ухаживала за пожилым состоятельным мужчиной. Жила вместе с дочерью в его доме. Помимо небольшого денежного вознаграждения, предоставления жилья и питания для своих работниц, хозяин оформил опеку над Ириной, благодаря чему она получала бесплатное лечение. Приезжая ненадолго домой, мать просила у сына прощения, звала с собой, но не очень настойчиво. Когда она попыталась в первый приезд отдать ему деньги, которые привезла, Валерка искренне возмутился и деньги не взял. Мать расплакалась от обиды, но сын обнял её и ласково проговорил:

– Ну что ты, мам! Мне девятнадцать лет. Я вполне способен заработать на себя. В ЖЭКе стали побольше платить и подработать дают. Каждый месяц платёжные квитанции разношу. А вдобавок я во время летних каникул на комбинате работал, – улыбнулся он, пытаясь подбодрить мать, потому что после его слов о том, что ему девятнадцать лет, она пуше залилась слезами. – Забыла? Я же тебе говорил, что меня уже второй год оформляют на платную практику и оставляют потом ещё на два месяца.

– Ох, сынок, – сквозь рыдания проговорила мама, – разве могли мы с папой подумать, что нам с Иришей придётся в чужом краю выживать, а тебе с молодых лет шпалы на заводе ворочать!

– Ничего, мам, – прижал её с улыбкой Валера, – зато плечевой пояс развивается, в качалку не надо ходить. Видишь, какой я у тебя сильный?

Безуспешно пытаясь унять слёзы, мать обняла его в ответ. Когда она немного успокоилась, Валера серьёзно продолжил:

– Мам, я сам должен вам с Иринкой помогать, а не у тебя последние деньги забирать. Неужели я не понимаю, что вы там живёте только ради того, чтобы Ирину как следует лечили, и вовсе не шикуете. Если уж ты привезла деньги, то лучше тёте отдай за то, что Ирина у неё жила. И не надо мне больше никаких денег привозить. Поняла? Обещаешь?

Скрепя сердце, мать кивнула, вынудив сына, в свою очередь, пообещать: если ему вдруг неожиданно понадобится помощь, то он непременно обратится к матери. Впоследствии мать действительно прекратила попытки оставлять сыну деньги. Вместо этого стала привозить ему одежду, отказаться от которой он не мог, поскольку вещи покупались специально для него и к тому же выбирала их трогательно любящая брата Ирина. Искренне радуясь приездам матери, одновременно Валерка чувствовал, что стал отвыкать от неё. А по сестре, которую на протяжении последних четырнадцати лет он видел только на фотографии и по скайпу, Валера откровенно скучал. Поэтому он всегда с теплом относился к Генкиной сестре Алёне – улыбчивой девчужке со светлым круглым личиком и нежно-розовыми щёчками с ямочками на каждой.

Глава 5

Валерке никогда не приходило в голову, что Алёнка влюблена в него. Несмотря на то что, встречаясь с ним, девушка не сводила взгляда с высокого красивого парня старше неё на семь лет, с умопомрачительными зелёными глазами, волосами цвета пшеницы и ласковой ответной улыбкой, которой он одаривал Алёну.

Завершив обучение в университете, Валерка год отслужил в армии. Вернувшись, сразу же устроился на металлургический комбинат, где работал на практике во время учёбы. Год спустя, в тёплом, как и в нынешнем сезоне, апреле, встретил во дворе дома Алёнку.

– Ну что, птичка-невеличка, – весело улыбнулся Валера, – скоро выпускной? Платьице, туфельки приготовила?

– Нет, – покачала головой девочка, как всегда, расцветая навстречу Валерке ясной улыбкой.

– Как это нет? – удивился он. – На второй год, что ли, оставили в одиннадцатом классе?

– Что ты! Я хорошо учусь. У меня, наверное, даже медаль серебряная будет. Просто платье не приготовила. На вручение аттестата в школьном наряде схожу, а на выпускной не пойду.

– Как же так? – растерялся Валера. – Почему Генка тебе не купил?

– Не на что купить, – бесхитростно ответила Алёнка. – Он не работает сейчас. И Наташа на работу не вышла, потому что Костик ещё маленький, два года всего.

– А на что же вы живёте? Питаетесь как?

– Гена приносит время от времени немного денег. Случайные заработки какие-то. Я не знаю, он мне не говорит откуда. И Наташина бабушка помогает с пенсии.

– Ну и ну, – покрутил головой Валера. – Знаешь что, пойдём-ка с тобой завтра в торговый центр и выберем наряд для выпускного. Туфли там, платье – всё, что надо.

– Нет-нет, что ты! – неожиданно испугалась Алёна. – Я не пойду! Гена всё равно тебе не сможет эти деньги отдать. Да ещё и ругать меня будет, что взяла. Спасибо тебе, Валера, но я не пойду.

– Алёнка, да ты что! Разве я в долг тебе даю! Это же подарок от меня будет... ну, как от брата... Ты помнишь Иринку, мою сестру?

– Конечно, – закивала Алёна.

– Так вот, она с матерью во Франции живёт, и я давным-давно её не видел. Скучаю очень. Так это будет всё равно что ей подарок...

Валерка неожиданно смутился, запутавшись в объяснениях. Но Алёна серьёзно возразила.

– Нет, Валера, ты лучше Ирине с матерью деньги пошли, а мне не надо. Я всё равно на выпускной пойти не смогу.

– Да почему?!

– Потому что надо ещё много денег сдавать: на банкет, на подарок школе. Некоторые родители целый год собирали или сдавали по частям. Там сумма огромная. Я не сдавала и вдруг явлюсь на выпускной. Нет, ни за что не пойду.

– Так, – серьёзно заключил Валера и, ухватив Алёнку за руку, потянул за собой, – вот что мы сделаем. Возьмём сейчас у меня деньги и заставим завтра Генку отнести твоей классной руководительнице.

– Валера... – протестующе запищала Алёнка.

– Хотя нет, – сообразил Лавров, – я сам завтра пойду с тобой утром и отнесу. Всё, даже не возражай! Поняла?!

Под его натиском Алёнка испуганно закивала. Заработков путейца одинокому Валерке вполне хватало, даже ещё и оставалось кое-что от зарплаты. За последний год после возвращения из армии он сумел нормально приодеться, поскольку, обладая хорошим вкусом, выбирал добротные красивые вещи. Ему казалось чудовищно несправедливым, что эта жизнерадостная девчушка, смотревшая на него лучистыми серыми глазами, останется без праздничного наряда и одного из наиболее значимых для девушек в жизни, наравне со свадьбой, события. На следующее субботнее утро верный обещанию Валерка пришёл в школу и, представившись двоюродным братом Алёнки, выложил всю сумму, требуемую на выпускной.

После уроков Алёнка с удивлением увидела поджидавшего её возле школы Лаврова. Девчонки из класса завистливо хихикнули:

– Ничего себе, Алёнушка-тихоня, какого парня отхватила!

– Да вы что?! – залилась румянцем Алёнка. – Это брат мой... двоюродный. Мы за платьем на выпускной собрались.

– А ты и на выпускной пойдёшь?

– Да, – смутилась Алёнка.

– А за чей счёт? Наши родители, что ли, скинулись на сиротку?

– Никто мне не скидывался, – неожиданно громко ответила Алёна. – Валера принёс и всё отдал Маргарите Александровне.

– Всю сумму? – изумились девчата.

– Конечно, всю, – пожалала плечами Алёнка. – Ну всё, девочки, я пошла. Брат ждёт. Пока!

– Ну-ну, – ехидно хмыкнула одна из одноклассниц, прекрасно знавшая, что Лавров никакой не брат девушке, – иди-иди, сестрица Алёнушка.

– Приспала Алёна платьице и выпускной, – язвительно заметила другая.

– Ага, Алёнушка не промах, не гляди, что скромняшку из себя строит, – вступила третья.

– А чего, – откликнулась четвёртая девушка, – молодчина она. Если денег нет, то надо как-то выкручиваться. Сумела и молодец!

– Да уж, действительно, молодец. Вовремя поняла, что это дело самое прибыльное, – вновь заговорила первая, назвавшая Алёну сестрицей.

– А ты, Вика, не ехидничай, – парировала четвёртая. – Тебе завидно, вот ты и бесишься!

– Чего это мне завидно?!

– Что Алёнка с таким парнем! Что, скажешь, сама не хотела бы с этим Валеркой заму- тить?!

– Да отстань ты!

– Ага, правда глаза колет!

Девчонки едва не вцепились друг другу в волосы, но в это время в дверях школы показала их классная руководительница, и девчонки кинулись к ней в надежде подтвердить или опровергнуть информацию о деньгах на выпускной для Алёнки.

* * *

Пока Алёна приближалась к улыбающемуся Валере, у неё в голове промелькнуло множество мыслей и надежд.

«Может, я ему хоть немного нравлюсь? – сладко замирало сердце у девушки. – Платье ведёт покупать, деньги отдал на выпускной... А вдруг он и на вручение аттестатов со мной пойдёт?! Ох, размечталась! Валера такой красивый, высокий! Он только глянет на меня, так мне уже счастье. А я какая! Маленькая, лицо круглое, нос, хотя и не курносый, но широкий. Как Вика всегда дразнит меня – «доярка из Хацапетовки». Нет, не нравлюсь я Валере. Это он просто пожалел меня. Ну и ладно! А может, увидит меня в красивом платье и... понравлюсь?»

– Ну что, – белоснежно улыбнулся Валера, – птичка-сестричка, пойдём за платьем?

– Пойдём, – расцвела в ответ Алёнка.

Платье выбрали сразу, словно Валерка присмотрел его заранее. Ярко-голубая ткань с фиолетовыми и зелёными лепестками на ней идеально подошла белокурой девушке с её бело-розовой кожей лица. Прилегающий лиф без рукавов обозначил грудь, оказавшуюся не совсем уж маленькой, и тонкую талию. Пышная расклешённая юбка со встречными складками задорно колыхалась вокруг стройных ног, приоткрывая колени. Из обуви Алёнке приглянулись голубые балетки, но Валера потянул её к другим, бежево-перламутровым, заявив, что голубые смотрятся, словно бахилы. Потом купил ей в отделе заколок и украшений для волос голубую, в цвет платья, атласную ленту. Предназначение ленты выяснилось позже, в день выпускного, когда Валера повёл Алёнку делать причёску к своей знакомой парикмахеру-универсалу. Начесав белокурые волосы Алёнки, мастер приподняла их вверх и перевязала широкой лентой. В результате получился полный очарования образ девушки из шестидесятых годов. Крутившийся вокруг парикмахерши Валерка оказался в восторге. Вот только смотрел он в огромное зеркало не на Алёну, а на сотворившую чудо с её волосами черноглазую симпатичную девушку.

– Женька, – приник он к уху кокетливо улыбающейся ему парикмахерши, – ты гений! Класная причёска получилась!

– Мне и самой нравится. Шикарно ты придумал!

– Моя сестрёнка будет на выпускном самая-самая красивая! Алёнка, – подмигнул он девочке в зеркало, – а тебе нравится?

– Конечно, – просияла в ответ Алёна.

– Вот и славно!

– Валера, – понизила голос Женя, приглаживая выбившийся из Алёниной причёски волосок, – а ты сегодня чем занят?

– Зависит от тебя, – в тон ей проникновенно ответил Лавров, моментально отвлекаясь от Алёны.

– Как это?

– Ну... если у тебя вечер свободный, то предлагаю провести его вместе, а если занят...

– Свободный-свободный, – торопливо рассмеялась Женя.

– Значит, замётано, – приподнял бровь Валера.

Под чёрной синтетической накидкой горько вздохнула Алёнка, надежды которой на то, что Валера придёт хотя бы на вручение аттестата, рассыпались, словно раскатившиеся по полу перламутровые бусинки порвавшегося ожерелья.

«Не надо было надеяться, – подумала Алёнка, – что Валера придёт. Вон ему какие девушки нравятся – красивые, как и он сам. А я кто... доярка из Хацапетовки».

Однако, как только они с Валерой оказались вдвоём на улице, Алёнка, словно забыв свои несбывшиеся надежды, благодарно улыбнулась ему.

– Спасибо тебе, Валера!

– Не за что, птичка-сестричка, – просиял Валерка, взяв Алёнку руками за плечи. – Счастливо тебе поспраздновать!

– Т-ты придёшь... на вручение? – несмело предложила Алёнка.

– Прости, птичка, не могу, – повертел её из стороны в сторону Лавров. – Не обижайся, ладно?

– Что ты?! – испугалась Алёнка. – Спасибо тебе большущее!

– Пока, сестричка! Ты – красотка!

И вновь у Алёнки от его слов сладко замерло сердце.

* * *

Погрустив немного во время вручения аттестатов, что ей не с кем разделить свой триумф, Алёнка с головой окунулась в веселье праздничного вечера. Благодаря подобранному Валерой образу девушки шестидесятых Алёнка выглядела оригинально и привлекательно. Девчонки обзавидовались, когда Алёну принялись вырывать друг у друга для «медляков» самые симпатичные ребята выпуска. Одному из них, после того как тот потерпел неудачу в намерении пригласить Алёну на очередной танец, ехидная Вика сказала:

– Ты особо-то не старайся, у неё знаешь, какой мужик. Не чета тебе! Он ей и наряд обеспечил, и на выпускной сдал. Ему уже двадцать три, не сопляк какой-нибудь.

Парень обиделся на сопляка, но к Алёнке больше не подходил. Зато Алёнка повеселилась на славу, от всей души благодарная Валере за праздник.

На следующий день, встретив Валеру, Генка криво улыбнулся ему:

– Ты сеструху-то мою, случаем, не обрюхатил?

– Ты чего, Гена, – удивился Лавров, – с дуба рухнул?

– А с чего бы это тебе такие бабки на неё отваливать?

– Что же теперь девчонке без праздника было оставаться?

– А ты, типа, добрый волшебник?

– Я, Гена, всего лишь сделал то, что мог бы сделать ты как родной брат.

– У меня нету такой возможности.

– Ага, и работы в городе для тебя нет.

– Я человек больной, работать не везде могу. Еле концы с концами сводим. Еды купить не на что.

– У бабушки Наташиной побольше от пенсии попроси, – внезапно разозлился Валерка, удаляясь от Генки.

– Какое тебе дело?! – возмутился Генка.

– Мне – никакого, – резко развернулся к нему Лавров и, схватив соседа обеими руками за ворот рубахи, стянул её вокруг Генкиной шеи. – А если ты ещё раз вякнешь что-нибудь про меня и Алёнку, то я разобью твою мерзкую рожу! Понял?!

– Да чего ты, Валера?! – испугался Генка. – Отпусти! Я же пошутил!

– То-то же! – отшвырнул его Валерка и устремился прочь от Генки. – Следи за юмором и береги лицо.

– Ты это... Валер, – проговорил вслед Генка, – извини... и... это... спасибо тебе!

Отмахнувшись, Валерка ушёл, так и не ответив соседу.

Глава 6

После школы Алёнка уехала в один из районных центров поступать в педагогический колледж. Выбор именно на этот городок пал из-за того, что в соседнем селе жила тётка – старшая сестра Алёниного отца. Не отличавшаяся крепким здоровьем и обременённая сыном, злоупотребляющим алкоголем, тётя Зоя всё же привечала Алёнку. На каждые выходные зазывала её из общежития к себе домой, стараясь хоть немного подкормить существующую на одну стипендию светленькую неунывающую девчущку. Алёнка, со своей стороны, как могла помогала тёте в её нехитром, но требующем физических сил хозяйстве. Через три года, получив специальность воспитателя дошкольных учреждений, Алёнка вернулась в город и стала работать в детском саду неподалёку от дома. В группу к Алёне ходил её племянник Костя – сын Гены и Натальи, которого Алёнка растила с самого рождения. Как только Костя начал говорить, стал называть её мамалёна. Алёнка его любила и очень соскучилась за время учёбы в колледже. Денег, чтобы приехать в город, у девушки не было, и она все три года обучения проводила каникулы у тёти Зои. Несмотря на пьющего тёткиного сына, Алёнке было хорошо у тёти. Она даже собиралась оставаться там насовсем, однако работы в районном центре ей не нашлось. Тётка тоже с сожалением проводила Алёнку, жалея её и успев к ней привязаться.

А брат со своей женой, напротив, возвращению Алёнки в однокомнатную квартиру не обрадовались. Сынишка подросток, и в помощи девушки по уходу за ним ночью они больше не нуждались. День ребёнок, который, к счастью, почти никогда не болел, проводил в детском саду, предоставляя неработающим родителям массу свободного времени.

За время учёбы Алёна старалась глубже заталкивать мысли о Валере, не позволяя себе питать напрасные надежды. Мечтать о том, что однажды он обратит на неё внимание, как на девушку, а не как на нищую соседку, вызывающую жалость, было слишком больно. Зарплата воспитателя оставляла желать лучшего, а девушке очень хотелось приодеться. Поэтому Алёнка почти постоянно работала в две смены, то есть с семи утра до семи вечера. Поскольку девушке нравилась её работа, по молодости лет она не уставала. Дети взаимно её обожали, и она, играя с ними и находя подход даже к самым капризным малышам, очень быстро завоевала репутацию отличного воспитателя.

Не прошло и полугодя после возвращения девятнадцатилетней Алёны домой, как неожиданное событие в корне изменило её жизнь. Вечером, забирая с собой Костика, она иногда заходила с ним по пути домой в магазин, чтобы порадовать малыша каким-нибудь нехитрым лакомством. Как-то раз, в пятницу, когда всех детей из группы забрали, Алёнка вернулась с племянником пораньше. Заметив в комнате голую Наталью на диване рядом с обнажённым мужским телом, Алёна поспешила увести пятилетнего Костика в кухню, подальше от неподобающего для ребёнка зрелища. Но мужчина в постели оказался не Генкой. Когда тот, уже одетый, мелькнул в дверях, Алёнка узнала в нём несколько раз сидевшего в тюрьме соседа с восьмого этажа. Запахивая на себе халат, благоухая запахом перегара и цинично улыбаясь, Наталья вступила в кухню.

– А где Гена? – грустно глянула на неё Алёна.

– Не твоё дело, – грубо оборвала её Наталья – тридцатилетняя низкорослая женщина с большой грудью, округлым животом и узкими бёдрами, с короткой стрижкой на всклокоченных волосах коньячного цвета. – Ты чего Костьку так рано из сада притащила, не покормив?

– Он поужинал, – смущённо заторопилась Алёнка.

– А чего ты его тогда в кухню поволокла? Тут жарчки нету.

– Мы пойдём погуляем ещё... на улицу, ладно?

– Валяйте, – зевнула Наталья, потянув со стола в кухне пачку с сигаретами.

А когда Алёна и мальчик вернулись с прогулки, разразился скандал.

– А ну пошла отсюда! – орал Генка на весь этаж. – Ты ещё хахалей своих будешь сюда приводить! И ребёнок должен на всё это смотреть!

– Гена... что ты?! – испуганно пыталась оправдаться Алёнка, не соображая толком, стоит ли ей рассказать брату о том, что это его жену она застала с чужим мужчиной.

– Ага, – поддакнула Наталья. – Ген, я из магазина-то вернулась, а эти двое в комнате кувыркаются. А Костика в кухне закрыли, представляешь?

Костик, забившись от скандала под кухонный стол, тихо хныкал, опасаясь заорать и получить за это от матери нагоняй.

– Наташа... – сорвался голос у Алёнки.

– Выкатывайся! – завопил Генка. – И чтобы близко больше не подходила к нашему дому!

Наталья с готовностью подтащила к двери единственную в квартире объёмную спортивную сумку, уместившую в себя немногочисленные вещи Алёнки, которые Генкина жена незаметно успела туда насовать.

– Гена, – пролепетала Алёнка, – куда же я пойду?

– А меня не колышет, – грубо фыркнул Генка. – К хахалю своему катись!

– Так он у неё, может, не один, – ехидно ухмыльнулась Наталья.

– Значит, есть выбор, – осклабился Генка, – тащись к любому.

– Мамалёна... мамалёна... – последнее, что услышала Алёнка, выбегая из родительской квартиры.

Вслед ей полетела сумка с вещами.

* * *

Подхватив сумку, Алёнка бежала по улице, с трудом подавляя рыдания. Остановилась только в скверике неподалёку от автобусной остановки. Присела на скамью и, утирая ладошкой слёзы со щёк, потянула из кармана сотовый телефон. К счастью, немного денег оставалось. Алёна набрала номер тётки. Всхлипывая от обиды, рассказала, как лишилась крова, и попросила разрешения приехать к ней.

– Ты не волнуйся, тётя Зоя, я на шее у тебя сидеть не собираюсь. Я на работу сразу устраюсь. Не получится в детсад, дворником пойду, посудомойкой, да кем угодно. Где найду, там и буду работать.

– Да негде у нас в райцентре устроиться, – грустно проговорила Зоя. – Но Генка-то какой сволочной. Это же надо! Сестру родную – на улицу!

– Тётя Зоя, он не виноват, – торопливо заступилась за брата Алёнка. – Это Наталья ему в уши напела. Видно, испугалась, что я расскажу Гене.

– Вот негодница! Алёнушка, ты не спеши приезжать. Подожди немного, милая.

– Тётя Зоя, – вновь расплакалась Алёнка, – мне же ночевать негде. Куда мне идти? Где ждать? В подвале каком-нибудь? Туда тоже не пустят. Все подъезды сейчас с домофонами...

– Да что ты, лапушка моя родная, – испугалась женщина. – Я же тебя не гоню. Ты подожди несколько минут. Я сейчас подруге маминой позвоню. Мы с ней недавно только разговаривали. Она женщина пожилая, жаловалась, что за ней ухаживать некому.

Так Алёнка оказалась у Любви Евсеевны. Работала по-прежнему в детском саду, рядом с бывшим жильём. Только теперь уже не приводила Костика домой. Мальчика забирала соседка с первого этажа, приходившая за своей дочкой. Нянечка Нина в Алёнкиной группе как-то раз спросила, почему теперь Алёна не отводит племянника домой.

– Я теперь в другом месте живу, – грустно улыбнулась девушка.

– Где это? Замуж, что ли, вышла?

– Нет, что ты! У пожилой женщины живу, ухаживаю за ней.

– Насколько пожилой?

- Девяносто лет.
- Ух ты! За квартиру?
- В общем, да, – смущённо пожала плечами Алёна.
- Как это, в общем? Уход оформила? С правом наследования?
- Вроде нет, – растерялась Алёнка. – Любовь Евсеевна завещание на меня написала.
- Фьюить, – присвистнула Нина, – завещание – это ерунда! Сегодня на тебя, завтра на другого родственника напишет.
- Нету у неё родственников.
- Это сейчас нет, когда ухаживать надо, – убеждённо сказала коллега, – а как помрёт, так сразу объявятся какие-нибудь племянники.
- Не знаю, Нин, что же я могу сделать?
- Надо, чтобы она дарственную на тебя оформила. Тогда уж никто к этой квартире не подступится.
- Не буду я ничего говорить, Нина. Я и так живу у неё. Крыша над головой есть.
- А где крыша-то? – уточнила Нина.
- В смысле? – не поняла Алёнка.
- В каком районе квартира?
- А, в центре, дом на Главной площади, там, где сейчас Пенсионный фонд на первом этаже.
- Да ты что?! Вот это да! А родственников точно нету?
- Тётя Зоя сказала, что нет. Любовь Евсеевна была военным врачом, хирургом. Как и её муж. Только он давно умер, и сын их тоже.
- Вот, а у сына дети остались?
- Нет, – покачала головой Алёнка, – он никогда женат не был.
- А он точно умер?
- Нина, да ты почему спрашиваешь?
- Кто знает, Алёнка, бывает всякое. Может, бабка эта из ума выжила и не помнит, что сын где-нибудь далеко, например, на Север уехал.
- Нет, Нина, он у нас на кладбище похоронен, рядом с её мужем. Я сама Любовь Евсеевну как-то на могилки к ним отвозила.
- Как же ты возила?
- Такси вызывала. Правда, Любовь Евсеевну с трудом с четвёртого этажа сволокла. Там же лифта нет.
- Ой, как же ты дотащила? Толстая она?
- Нет, наоборот, худая, сухонькая вся. Но и правда трудно было. Она на меня так навалилась, еле сползли с ней вниз. А подниматься почему-то легче было. Только старенькая она, конечно. После этой поездки настолько переутомилась, что уснула и проспала до следующего утра.
- Ну, судя по всему, она бабка крепкая, – заключила Нина. – Намаешься ты ещё с ней. Небось, капризная. Кормишь-то ты её чем?
- Да не то чтобы капризная, скорее, своеобразная. Она очень супы любит. И заставляет меня каждый день новый готовить. Но мне не трудно, опять же, сама поем. Не будешь ведь одну тарелку варить. Всё равно небольшую кастрюльку готовлю. К тому же она тоже иногда тарелки по две, а то и по три съедает вечером.
- Хоть сама поешь вволю, – вздохнула Нина. – А то ты на детсадовских харчах совсем прозрачная стала. Только колготно тебе, конечно, продукты покупать и все такое.
- Да лишь бы деньги давала. А деньги она даёт. Иногда просит красной икры купить и конфет шоколадных в коробке.
- Ох, Алёнка, – рассмеялась Нина, – на всю жизнь икры да конфет наешься.

– Что ты! – удивилась Алёнка. – Я к этому не притрагиваюсь. Это же для Любовь Евсеевны. Мне и того, что я готовлю для неё, хватает. Супы, котлетки, пюре.

– А пенсия у неё хорошая?

– Да, ветеранская.

– Тебе-то денег даёт?

– Даёт, конечно, на продукты, за квартиру заплатить. Врачам, которые к ней на дом приходят, она, правда, сама платит.

– Да я про тебя говорю, тебе даёт деньги? Купить-то тебе надо что-нибудь: одежду там, обувь.

– Так у меня теперь у самой деньги остаются. Я же на еду почти не трачу.

– Что там у тебя остаётся от восьми тысяч? На проезд, да чтоб голой не ходить.

– Не знаю, Нин, мне хватает. Я привыкла экономить.

– Простушка ты, Алёнка, – сострадательно покачала головой Нина. – А на смерть-то у бабки есть?

– На похороны? Да, есть, конечно. А ещё ремонтные, – улыбнулась Алёнка.

– Как это?

– Триста тысяч на ремонт, в отдельном от похоронных пакете. Любовь Евсеевна говорит: «Вот помру, так ты квартиру отремонтируй, окна пластиковые поставь». Но только когда помрёт.

– Ох, Алёнка, не хватит, наверное, этих денег на окна. Там же, небось, ремонта давным-давно не было.

– Там его никогда не было, – подтвердила девушка, – как заселились в пятидесятых годах.

– Вот, а я что говорю! Там на одну ванную сколько денег уйдёт.

– Да ещё неизвестно, – отмахнулась Алёнка, – сохранятся ли эти деньги.

– Ты это брось! Не вздумай растратить!

– Я и не собираюсь. Вот только Любовь Евсеевна эти ремонтные деньги то отдаёт мне на хранение, то обратно забирает.

– Знаешь что, когда она в следующий раз тебе деньги подаст, то ты назад не отдавай. Скажи, потеряла.

– Что ты, Нина, я так не могу.

– Эх, Алёнка, сиротинка ты бедная. Намучаешься ты ещё с этой бабкой.

– Да ладно тебе, Нина. Живу ведь у неё, не на улице, считай, на всём готовом. А она знаешь, какая интересная. Столько всего рассказывает. Она ведь воевала, всю войну прошла. А мама у неё была бестужевка.

– Это чего такое?

– Бестужевские курсы окончила.

– Это не интересно, – отмахнулась Нина. – Только тебя отвлекает своими рассказами. Ты, небось, вечером придёшь и не знаешь, за что хвататься. И полы помыть, и супы ей наготовить.

– Нет, Нина, – покачала головой Алёнка, – она мне не мешает. Я действительно в кухне кручусь, а она там же сидит и что-нибудь мне рассказывает. Только когда поёт, то заставляет меня слушать сидя.

– Она ещё и поёт?

– Ага, – расплылась в улыбке Алёнка. – Для неё главный праздник – это День Победы. Любовь Евсеевна ведь военный врач, хирург. Всю войну прошла. Столько жизней спасла! Вот мы с ней как-то на Девятое мая ужин праздничный отведали, и она говорит: «Садись, Алёна, я буду исполнять». И затянула «Не искушай меня без нужды», а потом ещё какие-то пела, да я не запомнила.

– Умора!

– Ага, чудно с ней!

– Добрая ты, Алёнка, – снова грустно покачала головой Нина. – Тебе бы сейчас с парнями гулять да жизни радоваться, а ты впряглась в этот воз непосильный и тянешь его. Ну что поделаешь? Знать, доля у тебя такая, сиротская. К Генке-то заходишь?

– Некогда мне, – уклончиво ответила Алёна, не собираясь рассказывать Нине о семейном скандале, после которого оказалась на улице.

В дальнейшем Алёна никогда не жаловалась Нине на возрастающее с каждым днём число проблем со старым человеком. Не сетовала, что приходится уносить с собой ручку вентиля от газопровода, после того как соседи однажды пожаловались, что, включив газ, чтобы разогреть обед, Любовь Евсеевна допустила его утечку. Алёнка просто отказалась от дополнительных рабочих часов в неделю, чтобы возвращаться домой пораньше или позже уходить на работу, если та предстояла во вторую половину дня. Не делилась Алёна и усугубляющимися в последний год проблемами с гигиеной пожилой женщины.

Утешало только одно, что у Любови Евсеевны был здоровый крепкий ночной сон. Она никогда не отдыхала днём, находя себе занятие для ума, в основном, слушала радио или немного читала, до тех пор, пока не начинали уставать глаза. Телевизора в квартире не было. Старый давно сломался, а новый Любовь Евсеевна не считала нужным приобретать. Алёнка тоже обходилась без телепередач. Необходимость почти каждое утро приезжать на работу к семи утра и бытовые хлопоты дома совершенно не оставляли девушке времени для телевизора. Компьютер или ноутбук оставались для Алёны недостижимой мечтой. Безусловно, Любовь Евсеевна могла бы оплатить эту покупку. Но девушке даже в голову не приходило попросить её об этом. К тому же, подключив интернет, пришлось бы ежемесячно платить за него. Даже если бы это взяла на себя Алёна, то объяснить хозяйке его необходимость было практически невозможно.

В выходные Алёне удавалось немного почитать. Хотя Любовь Евсеевна гнала «молодую девицу» прогуляться по улице Липовой: вдоль нарядного парка с красивыми клумбами, ухоженными деревьями и затейливыми фонтанами. Но Алёнка крайне редко пользовалась любезным предложением своей хозяйки. Во-первых, гулять одной оказалось довольно скучно, а во-вторых, девушке действительно хотелось отдохнуть. В субботу Алёнка обычно совершала покупки на рынке, чтобы запастись на неделю продуктами. Так что большей частью она предпочитала прогулкам чтение. Тем более, библиотека у Любови Евсеевны оказалась богатейшая, с преобладанием русской классической прозы и поэзии. Когда же она принималась рассуждать о каком-либо особенно любимом ею произведении или рассказывала о том, каким знала раньше город, Алёнка, забывая о чтении, слушала хозяйку буквально открыв рот.

Любовь Евсеевна отходила ко сну ровно в десять часов и никогда не донимала Алёну ночными просьбами и разговорами, ограничиваясь традиционным измерением давления перед сном. Умерла она именно во сне, спустя четыре года после того, как у неё поселилась Алёна.

Глава 7

К числу женщин, с которыми Валера Лавров встречался наиболее редко, относились замужние. Одной из них была Женя, та самая парикмахер-универсал, которая когда-то сделала причёску Алёне и до сих пор стригла самого Валеру.

Девушкой она являлась исключительно практичной. Несмотря на то что Лавров ей нравился до умопомрачения, Евгения дальновидно чувствовала, что жениться в ближайшие несколько лет он не собирается. В её планы абсолютно не входило оставаться одинокой, терпеливо ожидая, когда этот легкомысленный красавчик созреет для брака, и созреет ли вообще. Поэтому хорошенькая стройная брюнетка Женя, придирчиво перелистав колоду возможных претендентов на её руку и сердце, быстренько вышла замуж за парня немного постарше себя, и не прогадала. У её мужа, на двоих с компаньоном, был в собственности «КамАЗ». Деньги, заработанные мужем, самой Женей и пособие на второго ребёнка, которого она не замедлила родить через два года после первого, позволили супругам приобрести комфортабельное жильё в новом районе без помощи кредита. Однокомнатную квартиру, доставшуюся ей от бабушки, Евгения сдавала посуточно: либо командировочным, либо тем, кто хотел провести праздник в отдельном жильё. Изредка мужу приходилось доставлять грузы на довольно большие расстояния. По времени это занимало несколько суток. И вот тогда Женя звонила Валере. Под предлогом того, что ей необходимо как следует вычистить сдаваемую квартиру, Женя оставляла детей со своей матерью и уединялась с Лавровым.

Валерка всегда с готовностью откликался на приглашения давней возлюбленной. Вот и сегодня, спустя два дня после страстной ночи с Жанной, Валерка, сам сгорая от нетерпения, устремился после работы к Женке. Прожив шесть лет в браке и родив двоих детей, ровесница Лаврова Женя почти не изменилась внешне, с той поры, как десять лет назад Валерка впервые стал её клиентом. Довольно высокого для женщины роста – сто семьдесят, стройная, но из разряда всё при ней, с выпуклой, подтянутой силовыми тренировками попой, крепкой небольшой грудью, длинными ногами, миниатюрными ступнями и ладонями, Женя гордилась своей привлекательностью. Чёрные с едва заметным каштановым отливом густые волосы длиной до середины спины она чаще всего убирала в пышный хвост, слегка приподнимая его над затылком.

Одним из традиционных блюд за ужином во время их встреч являлись заказанные в ближайшем кафетерии роллы. Ни Валера, ни Женя, не являясь их большими любителями, употребляли исключительно для разнообразия. Заехав по пути в кафе, чья продукция нравилась им с Евгенией больше других, Валера, как обычно, прибыл к ней с угощением, чтобы потом уже не отвлекаться на ожидание доставки. Во время свиданий с Валерой Женке всякий раз хотелось послать к чёрту свою размеренную семейную жизнь и, упросив Лаврова, а если понадобится, даже вымолив на коленях либо, в зависимости от обстоятельств, схитрив, вынудить его к совместному проживанию с ней. Некоторое время спустя к женщине вновь возвращалось её обычное здравомыслие, которое обуславливалось не тем, что Лавров не лучший кандидат в спутники жизни, а пониманием того, что ей никогда не склонить его стать им, до тех пор, пока он сам этого не пожелает.

Спустя несколько часов, когда между амурными играми образовался длительный перерыв, они полулежали рядом, прислонившись к высокой спинке нарядной кровати. Валерка слегка отрешённо, но, не выказывая ни малейшего желания отойти ко сну, задумчиво пропускал сквозь пальцы роскошные волосы Женки, примостившейся головой у него на груди.

– Валера, – тихо спросила она, – а ты бы женился на мне?

– Лет через десять непременно женился бы, – без усмешки, убеждённо ответил Лавров.

– Что ты хочешь сказать? – приподняв голову, заинтересованно повернулась к нему Женья. – Неужели мне стоило подождать до тридцати, то есть до нынешнего года?

– Почему ты так решила? – опешил Валера.

– Потому что в этом году как раз исполняется десять лет со дня нашего знакомства.

– Нет, – рассмеялся Лавров, – я имел в виду, что женился бы через десять лет, когда нам обоим стукнет по сорок.

– Ну, ты даёшь! – удивилась Женька. – Нашёл тоже возраст.

– А что такого? – продолжал улыбаться Лавров, обнимая её и пристраивая Женькину голову на своём плече. – Возраст самый что ни на есть подходящий. К тому времени мне, естественно, захочется так называемой тихой гавани...

– И зачем ты мне сдался, со своей тихой гаванью? – прыснула Женья.

– Под тихой гаванью я подразумеваю жизнь с одной-единственной партнёршей, то есть с тобой.

– Очень мило! А детей родить ты тоже собирался после сорока?

– Родить, вообще-то, предстояло бы тебе.

– Да ладно, не цепляйся к словам. Но в сорок для женщины, сам понимаешь, ушёл даже самый последний поезд.

– Ничего подобного! Как раз после сорока и получают самые замечательные родители.

– Твои родители тебя под пятьдесят родили, что ли? – снова фыркнула Женька.

– Нет, – вновь запустил пальцы в её волосы Лавров, – маман сейчас пятьдесят три. Соответственно, родила она меня в двадцать три года. Но сейчас совершенно другое время. Сейчас женщины после сорока только расцветают.

– Лавров, – внезапно поднялась на локте Женька, – у меня такое ощущение, что ты нашёл себе престарелую любовницу и на все лады нахваливаешь её прелести.

– Да никого я не нашёл, – без обиды весело произнёс Валерка. – Женёк, пойдём перекусим?

– Пойдём, конечно, – согласилась Евгения, чутко сообразив, что разговор о гипотетической женитьбе завершён. – Что хочешь? Лазанью подогреть или будешь рыбу под маринадом?

– Ум-м, – плотоядно облизнулся Валерка, – лазанью подогреть, а рыбу... буду холодной. Какая ты у меня мастерица!

– Вот видишь, – не преминула подчеркнуть Женька, – а собираешься ждать до сорока, когда мог бы уже сейчас всё это иметь.

Любой другой мужчина на месте Валерки, пытаясь увильнуть от разговора о совместном проживании, непременно упомянул бы о наличии у Жени мужа. Но только не Лавров, который никогда не считал нужным оправдываться и притягивать за уши разного рода отговорки, уклоняясь от нежеланного брака. Вместо этого он вылез из-под одеяла и произнёс:

– Кстати, возьми пакет в прихожей. Там две коробки пирожных для твоих ребят. Кажется, они шоколадные любят?

– Угу, – поднялась Женька, запахивая на себе шёлковый короткий халатик, – шоколадные. Спасибо, Валера. Ты всегда их балуешь.

Женины сыновья действительно обожали эти шоколадные пирожные в форме медвежат.

– Не за что, – отмахнулся Валерка. – Главное, не забудь забрать. Ты ведь дома сегодня появишься?

– Придётся, – кивнула Женья. – Матери утром на работу. Валера, а ты придёшь сегодня вечером?

– А твой?

– Его ещё двое суток не будет.

– Тогда, конечно, приду.

«Хоть что-то», – обрадовалась Женька и, подавив вздох, направилась в кухню.

Её тяжкий вздох оказался вызван размышлениями, каким Валерка мог бы быть замечательным отцом их общих детей, если он так внимателен к чужим.

Глава 8

Однако вечернему свиданию с Женей не суждено было состояться. За полчаса до окончания рабочего дня у Валеры на сотовом раздался звонок от дежурной по станции Ольги.

– Валера, – захлебнулась она рыданиями, – я «стрелку» порезала!

Валерка выругался про себя, всё ещё смутно надеясь, что повреждённый стрелочный перевод окажется на участке другой бригады.

– Где?!

– На седьмом пути.

По закону подлости это оказался участок Лаврова.

– Что произошло? – спросил он, направляясь в сторону аварии.

– «Стрелку» под тепловозом перевела, – продолжала всхлипывать Ольга.

– Тепловоз сошёл с рельсов? – посуровел Валера, удручённый перспективой необходимости вызова техники для подъёма подвижного состава и, как следствие, визита инспекторов по расследованию происшествия.

– Как будто нет.

– Оль, что значит, как будто?! – разозлился Валерка в досаде на бестолковость дежурной. – Сколько раз предупреждал тебя, не спеши! А ты всё равно...

– Не знаю я точно, Валера, – закричала в трубку Ольга. – Машинист сказал, что не сошёл. Стрелочный перевод повредил и всё, дальше поехал. Тепловоз эмпээсовский. Он уже уехал со станции, и связи с ним нету.

– Да не кричи ты так в ухо, – поморщился от её воплей Лавров. – Там, должно быть, всё перекорёжено. Сколько тепловоз вагонов тянул?

– Он без вагонов шёл, Валера, – притихла дежурная. – Я его на второй путь перегоняла под платформы с рулонами.

– Понятно.

– Что там, Валер? – обеспокоенно спросила женщина.

– Оль, я вообще-то не на вертолёте. Где седьмой путь и где я? Сейчас добреду и скажу.

Оказавшись на месте, Валера обнаружил, что погнуты оба остряка – заострённые с одного края части рельса, соединённые друг с другом металлической трубой – тягой, которая тоже оказалась погнутой, а также порвано соединение с электрическим приводом, под действием которого перемещается непосредственно стрелочный перевод, предоставляющий возможность подвижному составу направляться по одному или другому из железнодорожных путей. В целом всё оказалось не так уж безнадежно, но возникла необходимость оставаться после работы, поскольку бросать аварийный участок пути до следующего дня было нельзя. Лавров набрал номер Олега.

– Олег, на седьмом «стрелку» порезали.

– Только домой собрались! – возмутился бригадир, тревожно уточняя следом: – Путь-ская вина есть? Сейчас нам только штрафа не хватало!

– Штраф всегда не к месту, – задумчиво произнёс Валерка, осматривая повреждения. – Но нашей вины нет. Дежурная под тепловозом «стрелку» перевела.

– Ольга, что ли?!

– А то кто же!

– Курица!

– Она и есть, но ругайся не ругайся, а оставаться надо.

– Да понял я, Николав. Сейчас мужикам скажу.

– Там Алёшка с утра мне говорил, что ему с пацаном вечером пораньше в поликлинику надо. Может, отпустим его?

– Конечно, Николав. Что мы впятером не управимся, что ли?

– Добро. Олег, всем ребятам по отгулу за сегодняшнюю переработку. А то до завтра оставлять этот перевод не хотелось бы. Сам понимаешь, начальство налетит, что да как. А мы сегодня всё сделаем, и завтра уже никакого крику не будет.

– Спасибо, Валера, – обрадовался Олег. – Отгул никогда не помешает. Сейчас мы подтянемся. Какие там повреждения?

– Как обычно, остряки погнуты, тяга.

– Ясно. Сейчас инструменты возьмём и прибудем. Ты подождёшь нас?

– Пока схожу на станцию, запишу в журнале ремонтные работы да закрою путь.

– Будешь про аварию сообщать?

– Вообще-то, не собирался. Остряки на замену у нас есть, искать на другом участке не придётся. Так что никто, кроме нашей бригады, не узнает. Да и Ольку не хочется подводить, чтобы её опять премии лишили. Всё-таки мать-одиночка.

– А следовало бы, – возмутился Складчиков, – чтобы работать, наконец, научилась, дура глупая!

– Так её уже сколько раз лишали, – рассмеялся Валерка, услышав эпитет, которым бригадир наградил Ольгу. – И толку никакого. Не будем уж уподобляться другим и закладывать её.

Как только авария происходила на каком-либо другом участке, остальные мастера, в отличие от Лаврова, торопились доложить начальству, что дежурная облажалась.

– Да уж, кроме тебя никто скрывать не будет, – подтвердил Олег. – Это только ты её всё время жалеешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.